

Сюй Цыань, бледный и осунувшийся, небрежным взмахом руки развеял мелкого пакостного призрака, зацепившегося за его полу по дороге вниз.

— Встань, — приказал он Гун Чэню. — Подойди ко мне.

Гун Чэнь на миг опешил.

В это мгновение ему показалось, будто вокруг простираются вовсе не Оскверненные земли, которых живые избегают пуще смерти, а утопающая в весенней зелени гора Тяньлин. Семь лет назад.

Склоны горы тогда сплошь укрывал лиловый ковёр глициний. Восемнадцатилетний Гун Чэнь лежал на траве, зажмурившись от яркого солнца, а перед ним стоял юный Сюй Цыань. Тот редко улыбался, но тогда на его губах играла мягкая улыбка.

«Гун Цзиньюй, вставай, — звал он его по имени. — Я нашёл выход из иллюзорного царства».

Действительно ли они тогда выбрались из иллюзии? Или всё происходящее сейчас — тоже лишь затянувшийся морок?

Впрочем, безумная мысль быстро улетучилась. По закоченевшим, омертвелым членам разлилось странное тепло. Подчиняясь чужой воле, тело ловко и послушно поднялось на ноги, а затем сделало несколько шагов и остановилось прямо перед Сюй Цыанем.

Что за жуткое запретное искусство?

Гун Чэнь мысленно содрогнулся. Мало того что он сохранил все пять чувств и мог свободно мыслить — теперь он ещё и двигался по чужой указке, словно марионетка.

Кто же он теперь?

Оживший мертвец? Игрушка в чужих руках?

Нет, для простого трупа он слишком послушен, но для куклы — чересчур свободен. Всё выглядело так, будто он действительно... воскрес.

Ладно, гадать бессмысленно. Куда важнее другое: Гун Чэнь недоверчиво уставился на Сюй Цыаня. Зачем тот сотворил с ним такое? Чего он добивается?

Сюй Цыань не заставил долго ждать ответа.

Вскинув руку, он наотмашь влепил Гун Чэню звонкую, хлёсткую пощёчину.

— Я ведь велел тебе ждать, — выговорил Сюй Цыань. Едва удар отзвучал, его ладонь смягчилась и нежно скользнула по щеке мертвеца. — Почему ты не подождал?

Пальцы опустились к окоченевшему подбородку, а затем мёртвой хваткой вцепились в шею, сжимая всё сильнее.

— Почему ты вечно доводишь себя до такого состояния? Наказание лишения костей... Наказание лишения костей... Неужели ты до сих пор не понял? Твоя кровь, твои кости, твоя жизнь — ничто из этого тебе не принадлежит. Всё это — моё.

В глазах Сюй Цыаня снова проступила та застарелая, жгучая ненависть. Она изливалась столь ощутимо, что Гун Чэнь едва не заледенел на месте.

Если говорить о нынешнем холодном трупе, то спорить не о чем — теперь он и впрямь собственность Сюй Цыаня. Но с какой стати живой Гун Чэнь должен был принадлежать ему?

К сожалению, сожжённое ядом горло лишило его возможности возразить. Пришлось молча сносить обвинения.

Однако вскоре Гун Чэнь заметил неладное.

Тело Сюй Цыаня мелко дрожало, а пальцы, сжимавшие его горло, постепенно слабели. В следующий миг юноша резко отпрянул, зашелся в тяжёлом кашле и сплюнул тёмную кровь. Лицо его сделалось белым как полотно.

Гун Чэнь порывисто подался вперёд, намереваясь поддержать его, но Сюй Цыань грубо оттолкнул его руку. В глубине его глаз вспыхнул ледяной гнев.

— Не смей шевелиться. Что ты за тварь такая, чтобы прикасаться ко мне?

Гун Чэнь послушно застыл, не в силах пошевелить и пальцем.

Сюй Цыань медленно выпрямился. Губы его дрогнули в горькой, издевательской усмешке.

— Надо же, какой послушный. При жизни ты был слишком горд. Наверняка предпочёл бы провалиться в самую преисподнюю, лишь бы не становиться этим нечестивым выродком — ни человеком, ни призраком. Но, Гун Цзиньюй... — Сюй Цыань слегка склонил голову набок, и его голос зазвучал пугающе тихо. — Раз уж ты уничтожил меня, то и я уничтожу тебя. Ты так отчаянно стремился к смерти... Что ж, я ни за что не позволю тебе уйти в колесо перерождений.

Спустя четверть часа.

Гун Чэнь во весь дух уносил ноги от целой оравы голодных призраков и злобных тварей, которые с воем неслись следом, привлечённые сладким запахом живой плоти. На загривке у него висел Сюй Цыань, который благополучно лишился чувств сразу после своей грозной тирады.

— Упал, упал! — верещали сзади.

— Какой сладенький!

— Лови его, лови!

Один особенно шустрый остроухий бес умудрился нагнать их, вцепился в широкий рукав Сюй Цыаня и уже оскалил мелкие острые зубы, намереваясь укусить.

«Ну уж нет, это лишнее!»

Гун Чэнь на ходу высвободил одну руку, за шкурку отцепил наглую тварь и швырнул её в сторону.

И зачем только он в это ввязался?

Поцеловать Сюй Цыаня уже было верхом безрассудства, а уж позволить какому-то бесу укусить его — о подобном и помыслить страшно.

«Раз уж мы оба теперь далеки от звания приличных людей, давай просто уйдём отсюда без лишнего шума, а?»

Духовных сил у Гун Чэня не осталось ни капли, дозваться Кэ Суя тоже не получалось. Единственное, на что он мог положиться — это собственные ноги, способные без усталости отмахать восемь кругов вокруг горы Тяньлин.

К тому же время от времени он пускал призракам кровь, сбивая их с толку. Низшие твари, обитающие на окраинах Оскверненных земель, не отличались умом, и обвести их вокруг пальца оказалось делом нехитрым.

В конце концов мертвец на пару с живым добрался до заброшенного провала. Гун Чэнь бережно опустил Сюй Цыаня в гроб, залез следом и плотно притянул крышку изнутри.

Пусть защитные заклятия внутри разбились, но кровавые руны на внешней стороне гроба всё ещё исправно подавляли иньскую скверну. Твари снаружи не посмеют сунуться.

Помыкавшись по округе, они в итоге вернулись в ту же могильную яму. Гун Чэню стало почти смешно.

Он лежал на боку, стараясь аккуратно высвободить руку, которой в спешке прижимал к себе Сюй Цыаня.

Места внутри было в обрез, но если потесниться, улечься можно. Вот только для холодного трупа чужое живое тепло казалось почти обжигающим.

Вдруг горячая ладонь крепко перехватила его запястье.

— Не двигайся.

Гун Чэнь послушно замер, боясь даже повести глазами.

В крошечной тьме они не видели лиц друг друга, слышалось лишь тяжёлое, прерывистое дыхание Сюй Цыаня.

— У тебя осталась искра разума... Иначе ты не догадался бы укрыться в гробу, верно?

Ответа не последовало.

Пальцы Сюй Цыаня скользнули вверх по его руке, коснулись плеча, щеки и замерли на лбу, как раз между бровей.

— Я ведь учил тебя когда-то: если лишишься духовных сил и не сможешь говорить, общайся через линьтай. Если ты меня слышишь, подай знак.

В отличие от горячего тела, кончики пальцев Сюй Цыаня оставались прохладными, словно шлифованный нефрит. Они едва ощутимо прижимались к коже Гун Чэня.

Голос Сюй Цыаня мягко зазвучал прямо в его сознании:

«Я вовсе не терял сознание... просто навалилась слабость. Но когда ты нёс меня на спине, голова снова пошла кругом».

«Я уже не понимаю, где мы — в Осквернённых землях или на горе Тяньлин. Тогда, в иллюзорном мире, ты точно так же тащил меня на себе».

Сюй Цыань умолк, словно давая Гун Чэню возможность ответить заветным «да». Но в ответ стояла тишина. Когда он заговорил вновь, в его мыслях сквозила безмерная усталость:

«Должно быть, я просто сошёл с ума. Зацепился за глупую надежду и вообразил, будто ты жив. Будто в твоей истерзанной душе уцелела хоть крупица памяти».

«Наверное, мне просто не везёт».

Его мысленный голос становился всё тише и спокойнее:

«Когда до меня дошли слухи о твоей поимке, я мчался сюда день и ночь, без сна и отдыха. И всё равно опоздал на какую-то несчастную долю часа».

«Точно так же когда-то я молил небо, чтобы до двадцати лет не сметь ни в кого влюбляться. Уж точно не до такой степени, чтобы заработать искажение ци. И всё же в девятнадцать лет я нарушил зарок ради тебя».

«Гун Цзиньюй, у нас вечно всё так, — Сюй Цыань устало прикрыл глаза. — Вечно не вовремя».

«Что? — ошеломлённый услышанным, Гун Чэнь едва сумел совладать с линьтай и выдавил ответную мысль почти в то же мгновение, как прозвучало его имя. — Ты любишь меня? Но... как это возможно? Ты ведь...»

«Какого чёрта, кто тебя любит?! — раздался в сознании испуганный и возмущённый голос Кэ Суя. — Я предупреждаю тебя, Гун Цзиньюй, не смей молоть чушь! Я не вожусь с неучами!»

«... Я тоже дураков не жалую».

Похоже, он ещё не до конца освоил премудрости мысленной передачи и по ошибке вломился не в те двери. Бывает.

Пока Гун Чэнь нащупывал нужную нить духовной связи, Сюй Цыань внезапно убрал руку и толкнул крышку гроба, приоткрывая узкую щель.

Слабый, мутный свет упал на его бледное лицо. Тот нахмурился, в глазах скользнул опасный холод.

Снаружи, сквозь щель, донеслись приглушённые голоса.

— Нашёл! Кажется, это тот самый гроб.

— Может, вскроем да проверим?

— Вскроешь ты, как же! Не видишь, сколько рун наклеплено? Потревожишь печать, и наружу вырвется какая-нибудь пакость, тогда наплачемся.

— Неужто и впрямь так опасно?

— Говорю тебе, дело нечисто!

Судя по звукам, у края провала топтались трое. Они торопливо суетились, рассыпая что-то по земле.

В воздухе отчётливо потянуло едким запахом селитры.

— Только что здесь бушевала гроза. Великий старейшина опасается, что это тварь в гробу пробудилась. Чем возиться с печатями, надёжнее будет взорвать всё к чертям и покончить с этим.

— И то верно. Этот ублюдок Гун Чэнь при жизни знатно напакостил, так ещё и после смерти покоя не даёт...

— Погодите-ка!..

— Вам не показалось, что крышка гроба только что шевельнулась?

— Да тьфу на тебя, не нагоняй жути!

— Нет, я серьёзно! А-а-а!..

Крик ужаса оборвался на полуслове.

— Гроб... он открывается! Спаси—

Договорить несчастный не успел. Три призрачных клинка с тихим свистом вонзились прямо в разинутые рты непрошенных гостей.

— Слишком шумно, — ровным тоном произнёс Сюй Цыань.

Он неторопливо выбрался из провала, расправляя помятые полы одеяния, и смерил троицу ледяным взглядом.

— С этой секунды говорить будет только тот, кому я позволю. Кто такой Великий старейшина?

Он посмотрел на того, что стоял слева.

Тот лишь жалобно замычал, косясь на торчащую во рту рукоять духовного клинка.

— Не желаешь отвечать?

Сюй Цыань даже не подумал убрать оружие. Несчастный, преодолевая дрожь и боль, едва шевеля губами, выдавил сквозь сочащуюся кровь:

— Великий старейшина... это старейшина Наньгун... с хребта Белой Сливы.

— Какова ваша цель? — взгляд Сюй Цыаня переместился на второго.

— Взорвать... взорвать гроб, — заикаясь, пролепетал тот. — Мы лишь исполняли приказ! Мы знать не знали, что господин тоже здесь...

Наконец Сюй Цыань медленно повернулся к последнему из троицы.

Тот уловил в его глазах явное намерение убивать и, обливаясь холодным потом, запричитал:

— Я... я тоже всё скажу! Всё, что пожелаете!

Сюй Цыань тихо, почти ласково усмехнулся:

— Ты только что назвал Гун Чэня ублюдком. Мне это не понравилось.

У бедняги от страха помутилось в голове.

Прежде чем он успел осознать смысл этих слов, его язык обожгло ледяной стужей. Хлынула кровь. Мужчина издал хриплый стон, закатил глаза и рухнул навзничь, лишившись чувств.

Тем временем на дне провала.

Гун Чэнь, ухватившись за край гроба, отчаянно тянул шею вверх, пытаясь разобрать, что происходит наверху. Поняв, что ничего не разглядеть, он уцепился за выступы склизкой

каменной стены и прополз немного выше.

Отсюда слышимость была куда лучше.

«О как, старейшина Наньгун с хребта Белой Сливы?»

Всё сходится.

У старого чудака всегда был скверный нрав, да и взрывчаткой он увлекался знатно. Несколько лет назад Гун Чэнь пытался напроситься к нему в ученики, но в тонкостях дела не преуспел, зато случайно разнёс половину его усадьбы. С тех пор старик и затаил на него обиду.

Устроить такую пакость и подорвать чужую могилу — вполне в его духе.

«А насчёт ублюдка...»

Гун Чэнь мысленно усмехнулся. Ладно уж, тут сложно поспорить.

Но едва он услышал фразу Сюй Цыаня «Мне это не понравилось», как пальцы его соскользнули с мокрого камня.

Гун Чэнь с грохотом полетел вниз.

Кувыркнувшись в воздухе, он со всего размаху рухнул обратно в гроб — вниз головой, нелепо задрав ноги и упершись задом в крышку.

Что за напасть.

Гун Чэнь привычным движением вправил вывихнутую челюсть и замер, ошарашенно прижав ладонь к левой стороне груди.

Ему не показалось.

Там, под холодными рёбрами...

Словно впервые за долгие годы, глухо и робко толкнулось сердце.